

Г.А. Ожегова, кандидат юридических наук, доцент
кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: презумпция невиновности; подозреваемый; обвиняемый; охранительные правоотношения.

Аннотация: Автором рассматриваются вопросы, касающиеся нормативного закрепления и практики применения принципа «презумпция невиновности». Освещаются проблемы его реализации и делается попытка привлечь внимание практиков к данной проблеме.

Презумпция невиновности является общепризнанной гарантией прав человека и закреплена во многих международно-правовых актах, например, в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Долгое время, несмотря на ратификацию СССР ряда международных актов, отражавших этот принцип, презумпция невиновности не имела законодательного закрепления, хотя отдельные ее положения были отражены в Конституции СССР 1977 г., УК и УПК РСФСР.

И только в июле 2002 года появился на свет Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации. Именно в нем впервые появилась законодательно оформленная дефиниция презумпции невиновности, выраженная в ст. 14 УПК РФ:

«1. Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Впервые в мире презумпция невиновности была закреплена во французской Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года и в Конституции Франции 1791 года. В российской Конституции данный принцип был декларирован в 1993 году, в статье 49 новой Конституции РФ, однако в уголовном производстве он нашел место только спустя девять лет.

Однако мировое первенство в попытке нормативного закрепления презумпции

невиновности обвиняемого принадлежит нашему государству, в частности, предпринятой в 1767 году императрицей Екатериной II в X главе Наказа об обряде криминального суда «Уложенной комиссии». А вот для реализации в жизнь этого проекта нам понадобилось 234 года.

Вот что писал об истинных причинах неуспеха Наказа Екатерины II выдающийся российский ученый-юрист, специалист по гражданскому праву и процессу Сергей Иванович Зарудный: «Действительная же причина заключается в умственном, нравственном и общественном состоянии русского народа и общества в целом. Это было состояние позолоченной грубости и неразвития, то состояние, которое было более благоприятно чрезмерному развитию крепостного права, чем осуществление мыслей Беккария и Монтескье, решительно несовместимых с таким состоянием народа» [1, с. 25].

Тогда как на Западе велась активная работа по внедрению принципа презумпции невиновности в правовую систему, многие наши деятели культуры, напротив, были проповедниками правового нигилизма. Например, Л.Н. Толстой, критикуя правовые основы государства во Франции, Англии, США, отмечал, что усовершенствованные правовые формы есть на самом деле «иллюзия, отклоняющаяся от истинного прогресса» [2, с. 124].

В нашем государстве презумпция невиновности никогда не была в почете, данный принцип считался буржуазным и противоречащим объективности уголовного расследования, некой уловкой, защищающей преступников.

Что принципиально изменилось с тех пор и насколько целесообразно появление «западного» принципа в современном УПК РФ?

Принцип презумпции невиновности – это не призыв к действию приказного характера (не использование формулировки «Обвиняемый считается невиновным»), а некая социальная установка о том, как должно

отправляться правосудие по уголовным делам, закладываемая в сознание граждан. Отсюда очевидна сложность внедрения принципа презумпции невиновности в уголовный процесс в современном мире, малая эффективность действия данного принципа в реальности, несоответствие норм уголовного законодательства Конституции РФ и неправильное, зачастую и вовсе абсурдное понимание и применение закона в следственной и судебной практике.

Закрепив в уголовном процессе принцип презумпции невиновности, законодатель отказался от другого принципа «всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела», ранее закрепленного в статье 20 УПК РСФСР, где всесторонность – это соби́рание, исследование обстоятельств и доказательств как обвинительных, так и оправдательных, как отягчающих, так и смягчающих вину, тщательный учет и оценка всех возможных версий, то есть исследование обстоятельств дела со всех сторон.

Очевидно, что законодатель тем самым делает обвинение превалирующим над защитой, налагая обязанность доказывания виновности на прокурора, следователя, дознавателя и закрепляя права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на защиту. Это можно выразить формулой: есть обязанность доказывать виновность и право доказывать невиновность, есть обязанность обвинять и есть право защищаться.

«Если А.Ф. Кони считал, что прокурор должен быть «говорящим судьей», то авторы проекта УПК исходят из того, что прокурор в уголовном процессе должен быть обвинителем во что бы то ни стало», – пишет Ю.А. Костанов, один из признанных авторитетов адвокатского сообщества [3, с. 96].

Исходя из логического содержания принципа презумпции невиновности, «подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Получается, если обвиняемый не смог либо не захотел доказать свою невиновность, это вовсе не дает основания утверждать о его виновности в совершении преступления. Равно как и отсутствие обязанности в доказательстве невиновности вовсе не лишает подозреваемого или обвиняемого права доказывать свою невиновность. Понятно, что процесс доказывания невиновности, по сути, является осуществлением защиты подозреваемого или обвиняемого.

Виновность или невиновность лица в совершении преступления устанавливается судом на основании приведенных, собранных

в процессе уголовного расследования доказательств, полученных путем проведения следственных и иных, не запрещенных законом действий.

Согласно ст. 119 УПК РФ «Подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, а также гражданский истец, гражданский ответчик, их представители вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, или представляемого им лица соответственно». Таким образом, сторона защиты имеет право заявлять ходатайства о проведении следственного действия, в результате которого станет очевидной невиновность подозреваемого.

Как видно из содержания пп. 5, 7 ст. 73 УПК РФ, обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, подлежат доказыванию.

Аксиомой охранительных правоотношений является то, что наличие права у одного субъекта порождает соответствующую обязанность у другого. Однако согласно УПК РФ дознаватель, следователь, прокурор вовсе не обязаны производить следственные действия, посредством проведения которых возможно доказательство невиновности лица, подвергнутого уголовному преследованию. Установление количества необходимых доказательств также производится стороной обвинения. Иными словами, достаточно убеждения обвинителя в виновности лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

Такие следственные действия, например, как проверка показаний на месте, очная ставка, следственный эксперимент, следователь произвести вправе. Законодателем в данном случае используются формулировки: «в целях установления новых обстоятельств... показания могут быть проверены», «если имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку», «в целях проверки и уточнения данных... следователь вправе произвести следственный эксперимент». То есть если результатами проведения данных следственных действий можно доказать непричастность лица к совершению инкриминируемого ему преступления, следователь их проводить не будет, потому что имеет на это право, а доказывать невиновность данного лица следователь вовсе не обязан и не должен, напротив, его обязанность состоит

в доказывании виновности. Отказывая в удовлетворении ходатайств стороны защиты о проведении каких-либо следственных действий, обвинитель мотивирует свой отказ именно этим правом, тем самым блокируя как право на защиту, так и право на доказывание невиновности («Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность»).

Противоречия норм уголовно-процессуального кодекса в части положений о проведении следственных действий как своим же принципам, так и принципам Конституционным, вполне логично влечет за собой огромный риск предвзятости стороны обвинения, зарождения и необратимого развития презумпции виновности в ходе производства уголовного расследования и, как следствие, незаконного обвинения и несправедливого осуждения.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ способствует одностороннему подходу дознавателя, следователя, прокурора к расследованию преступлений, перед ними стоит цель не установить истину по делу, а «обвинить», установить обстоятельства виновности и направить собранный «обвинительный пакет» в суд, где возможность оправдательного приговора, как показывает статистика, практически равна нулю. Весь судебный процесс, по сути, выражается во взвешивании аргументов «за» и «против», «да» и «нет», на какую чашу больше положить, та и тяжелее, тот и прав. И проблема заключается в том, что возможностей собирания этих «грузов», несомненно, больше у стороны обвинения.

В СМИ Тамара Моршакова, судья Конституционного суда в отставке не однократно в своих интервью говорила о том, что следственные действия в установленной форме могут проводиться только стороной, доказывающей обвинение, не желают слышать ни следователи, ни прокуроры, ни суды. Все, что представляет адвокат, не включается в совокупность доказательств по делу, выбрасывается в корзину как недопустимые доказательства – он же не произвел такие следственные действия. Хотя доказательства защиты должны проверяться только с точки зрения достоверности. Это правило вытекает из презумпции невиновности, потому что любой материал, из которого может возникнуть сомнение в доказательстве обвинения, должен приниматься и проверяться. Пока сомнение не опровергнуто, сторона обвинения не может настаивать на доказанности своего обвинительного тезиса и действует противоположный тезис – обвинение не доказано. Увы, во многих случаях происходит

иначе.

Из всех приговоров по уголовным делам в России лишь 0,4 % являются оправдательными, как сообщил 20 января 2015 года «Русской службе» представитель Следственного комитета России Владимир Маркин. Как Маркин сказал в интервью, малое количество оправдательных приговоров объясняется тем, что в России развит институт досудебного расследования.

«У нас есть возможность еще на стадии доследственной проверки получить данные, достаточные для того, чтобы сделать первые выводы о наличии (либо отсутствии) состава преступления», – отметил Маркин.

По его словам, малый процент оправдательных приговоров говорит о высокой квалификации следствия, а «постоянные упреки» исходят от «либерально настроенной общественности».

Однако председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев в «Газете.ru» привел иную статистику: «Российские суды в последние годы стали чаще выносить оправдательные приговоры: они оправдали около 4,5 % обвиняемых в уголовных преступлениях».

А известный адвокат Генри Резник задается вопросом и отвечает на его: «...Почему в профессиональном суде 0,9 процента оправдательных решений, а в суде присяжных – 20? Потому что в суде присяжных работает презумпция невиновности. Которая выражается только в одном: недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности. У профессиональных судей с этим огромная проблема. Она вообще историческая. Сто лет назад выдающийся процессуалист Иван Фойницкий писал: «В спорных случаях ум судьи обычно наклоняется в сторону обвинения, нежели оправдания». Эта закономерность в наших современных судах еще более ярко выражена...».

Для уравнивания прав и возможностей сторон уголовного производства, обвинения и защиты, нужно обращаться к силе права, а не к праву силы.

Согласно пп. 2, 3, 4 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ» защитник – адвокат – имеет право «опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу... собирать и предъявлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации... привлекать на договорной основе специалистов» (то же в пп. 2, 3 ч. 1 ст. 53, пп. 1, 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Однако законом не определены правила сбора доказательств, более того, чтобы собранные

сведения стали доказательствами, они должны быть приобщены к материалам уголовного дела, что, опять-таки, напрямую зависит от волеизъявления следователя и суда.

Российскому уголовному законодательству необходимо изменить ряд статей УПК РФ, включив в них положения об обязанности следователя и суда удовлетворять ходатайства защиты о допросе свидетелей, назначении экспертиз и приобщении к делу документов, что поспособствует более объективному расследованию преступлений.

На сегодняшний момент суды закрывают глаза на то, что следователи в нарушение положений ст. 159 УПК РФ отказывают в допросах важных свидетелей-очевидцев, в проведении экспертиз, доказывающих невиновность обвиняемого, в проведении очных ставок, которые невозможно провести в ходе судебного разбирательства в силу специфики проведения данного следственного действия. И хотя Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 8 декабря 2003 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» прямо указывает, что такие нарушения прав обвиняемого на защиту должны влечь возвращение уголовного дела на дополнительное расследование, в статью 237 УПК РФ до сих пор не внесены соответствующие изменения, что дает повод судам в большинстве случаев необоснованно отказывать в ходатайствах защиты о возврате дела.

Волонтаризм в деятельности правоохранителей проявляется в том, что современное изложение презумпции невиновности в Конституции Российской Федерации, УПК РФ и ее использование (применение) на практике приводит к тому, что подсудимые становятся осужденными не на основе всестороннего исследования и взвешивания всех доказательств вины и невиновности, а лишь на предположениях стороны обвинения. К сожалению, эту ситуацию не исправляет и Верховный Суд РФ: приговоры, вынесенные лишь на предположениях, не отменяются в результате надзорных производств. Хотя, по мнению главы Верховного суда России Вячеслава Лебедева, в отчете об итогах деятельности российских судов в 2014 году оправдательные приговоры с 1 % увеличились до 4,5 %.

Здесь уместно назвать из громких процессов следующие уголовные дела: по обвинению поэтессы Ю. Приведенной в создании и

руководстве незаконным вооруженным формированием; обвиняемого в покушении на мошенничество руководителя общественного объединения «Рабочая группа по борьбе с коррупцией в высших сферах власти» Кузнецова В.М. Все указанные лица осуждены лишь на предположениях следствия, ибо презумпция невиновности на практике не работает. Во всех перечисленных процессах применялся иной принцип: «Все сомнения толкуются в пользу обвинения».

Если не брать Москву, то есть и свежий факт из практики нашего Самарского региона.

В июне 2015 года предприниматель из Тольятти получил денежную компенсацию за незаконное его содержание в следственном изоляторе, сообщается в печатной версии газеты «Самарское обозрение» от 03.08.2015 г.

До ареста он являлся директором и учредителем собственной фирмы ООО, работавшей по контрактам на выполнение общестроительных работ с муниципальными, государственными и коммерческими организациями Самарской области.

Предприниматель был задержан сотрудниками ОБОП и СОБР ГУ МВД РФ по Самарской области еще в декабре 2012 года в тот момент, когда он направлялся в администрацию подписывать акты выполненных работ по муниципальному контракту.

Задержание, по словам предпринимателя, происходило крайне жестко. Его выволокли из машины, бросили на асфальт, а затем провели досмотр под угрозой применения огнестрельного оружия. В ходе досмотра из кармана его куртки был извлечен пакет с неизвестным веществом.

По результатам этого задержания он был арестован, СУ У МВД по г. Тольятти возбудило в отношении предпринимателя уголовное дело по статье 228 УК РФ, а сам он помещен в СИЗО, где провел следующие три месяца. В марте 2013 года ему была изменена мера пресечения на подписку о невыезде. В мае 2014 года, после проведения экспертиз, уголовное дело в отношении него было прекращено по реабилитирующим обстоятельствам в связи с отсутствием состава преступления. Основанием для прекращения уголовного дела стали подозрения в подлоге, возможно, совершенном работниками ОБОП.

Так, в протоколах допросов свидетелей говорится, что у подозреваемого был изъят полиэтиленовый пакет с мелкими гранулами круглой формы и серого цвета. А эксперт характеризует вещество, представленное ему для идентификации, как пасту «в виде комков белого и светло-серо-розового цветов». В ходе досмотра из кармана куртки предпринимателя якобы был извлечен пакет с неизвестным

веществом.

Доказательства, фигурировавшие в уголовном деле против него, были сфальсифицированы. Поэтому выйдя из следственного изолятора, предприниматель подал в суд, требуя возмещения морального вреда.

В ходе ознакомления с уголовным делом выяснилось, что поводом для уголовного преследования стал рапорт оперуполномоченного ОБОП на имя руководителя о причастности предпринимателя к деятельности организованных преступных групп. Любой бизнесмен, попавший в эти списки, становится нежелательным партнером для всех крупных городских предприятий.

Это внесудебный список, составленный сотрудниками ОБОП в отношении лиц, якобы совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления в составе организованных преступных групп. В эти списки может попасть абсолютно любой человек вне зависимости от его виновности, которую, как известно, определить может только суд.

Подобные задержания бизнесменов и возбуждения против них уголовных дел при довольно сомнительных обстоятельствах происходят часто.

Подкинуть наркотики или боеприпасы предпринимателю для сотрудника уголовного розыска, работа которого тесно связана с представителями преступного мира, не составляет никакого труда. Дело потом может быть прекращено, но репутация предпринимателя уже безнадежно испорчена. Компенсация в таких обстоятельствах выглядит насмешкой.

«Списки» якобы членов ОПГ в городе Тольятти есть у всех сотрудников ГИБДД, участковых – откуда они у них? Никто не имеет права называть человека преступником без решения суда.

А эти люди «списком» вынесли приговор, обвинив множество людей в совершении

тяжких и особо тяжких преступлений, которых они никогда не совершали.

Ведь если посмотреть на практику, даже Европейского суда по правам человека, нет ни одного постановления, которым бы признавался факт нарушения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод по причине осуждения лица по предположениям. По этой проблеме часто выступал на различных форумах юристов, в том числе на семинаре Международной комиссии юристов (МКЮ) в 2010 году, адвокат М.И. Трепашкин, указывая, что более 30 % осужденных в России незаконно находится в местах лишения свободы из-за осуждения, построенного на одних лишь предположениях.

Существующие принципы права, такие как гуманность и справедливость, в уголовном судопроизводстве должны иметь важнейшее значение. Так как в области гражданских правоотношений отстаиваются в основном материальные блага человека. А попадая в сферу уголовных правоотношений, человек имеет дело с достоинством, честью, свободой, здесь идет речь об обвинении, осуждении, судимости! Само по себе подозрение в совершении преступления ограничивает человека в его правах, ставит вне закона и общества, подвергает уголовному преследованию. Поэтому необходимо, чтобы в уголовном процессе неукоснительно соблюдался принцип презумпции невиновности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великие реформы в России 1856-1874 года / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнела. М.: МГУ, 1992. 336 с.
2. Быков В.П., Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999. 607 с.
3. Костанов Ю.А. Блеск и нищета уголовно-процессуального кодекса. М.: Валент, 2005. 104 с.

DOES THE PRESUMPTION OF INNOCENCE RUSSIA?

© 2016

G.A. Ozhegova, PhD, assistant professor of “Theory of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: the presumption of innocence of the suspect; accused; protective relationship.

Abstract: The author deals with the regulatory consolidation and practice of the principle of “presumption of innocence”. It highlights the challenges of its implementation and makes an attempt to draw the attention of practitioners to the problem.